

Оноре де Бальзак Мачеха

Семейная драма в пяти действиях
и восьми картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Граф де Граншан, генерал.

Гертруда, его жена.

Наполеон, их сын.

Полина, дочь графа.

Фердинанд Маркандаль, управляющий.

Вернон доктор.

Эжен Рамель, прокурор.

Годар, коммерсант.

Шампань, мастер.

Бодрильон, аптекарь.

Судебный следователь.

Феликс, лакей.

Маргарита, служанка.

Жандармы, протоколист, священник.

Действие происходит в 1829 году на
суконной фабрике около Лувье¹.

¹ *Лувье* — город в Нормандии.

Действие первое

Сцена представляет довольно богато обставленную гостиную, на стенах портреты императора Наполеона и его сына. Из гостиной — дверь на веранду с полотняным навесом. Справа от зрителей дверь в комнаты Полины; слева дверь в комнаты генерала и его жены. Около двери, выходящей на веранду, слева стоит стол, справа — шкафчик в стиле Буль. Возле двери в комнаты Полины, перед большим зеркалом, жардиньерка с цветами; по другую сторону — камин с дорогим прибором. На переднем плане, справа и слева, диваны.

Гертруда входит с букетом только что собранных ею цветов и ставит его в жардиньерку.

Явление первое

Гертруда и генерал; потом Феликс.

Гертруда. Уверяю тебя, друг мой, что крайне неосмотрительно долгие медлить с замужеством твоей дочери; ей двадцать два года. Полина

слишком разборчива; в таких случаях за детей приходится действовать родителям... Впрочем, тут и я лично заинтересована.

Генерал. Каким образом?

Гертруда. Положение мачехи всегда двусмысленно. С некоторых пор весь город говорит о том, будто я с умыслом препятствую замужеству Полины.

Генерал. Уж эти провинциальные сплетницы! Я охотно подрезал бы этим дурам языки! Клеветать на тебя! Да ведь ты вот уже двенадцать лет заменяешь Полине родную мать... ты так хорошо воспитала ее.

Гертруда. Таков уж свет! Нам не прощают того, что, живя поблизости от города, мы не бываем там. Общество наказывает нас за то, что мы прекрасно обходимся без него. Неужели ты думаешь, что нашему счастью не завидуют? Вот, например, наш доктор...

Генерал. Вернон?

Гертруда. Да, Вернон завидует тебе, ему досадно, что он не сумел внушить ни одной женщине такой любви, какую я питаю к тебе. Потому он и считает, что я притворяюсь. Притворяться целых двенадцать лет! Как это правдоподобно!

Генерал. Не может женщина в течение двенадцати лет кривить душой. Не слепые же

вокруг нее. Какая глупость! Значит, и Вернон!

Гертруда. Ну он-то шутит. Итак, скоро мы увидим Годара, о котором я говорила. Меня удивляет, что он не едет. Было бы безумием отказаться от такой блестящей партии. Он влюблен в Полину; правда, и у него есть некоторые недостатки, он чуточку провинциален, но он может составить счастье твоей дочери.

Генерал. Я предоставил Полине полную свободу в выборе мужа.

Гертруда. О, на этот счет будь покоен. Такая кроткая, такая благовоспитанная, разумная девушка...

Генерал. Ну, не очень-то кроткая! Она ведь в меня — своенравная...

Гертруда. Она своенравная? Да и ты вовсе уж не такой своенравный — ведь ты исполняешь все мои желания!

Генерал. Ты ангел, и ты никогда не желаешь того, что мне неприятно. Кстати, сегодня, после вскрытия, Вернон приедет к нам обедать.

Гертруда. Ну само собой разумеется.

Генерал. Я говорю только для того, чтобы к столу подали его любимые вина.

Феликс (входит). Господин де Римонвиль.

Генерал. Просите.

Гертруда *(делает Феликсу знак унести жардиньерку)*. Я пойду к Полине, а вы тем

временем потолкуйте о делах; я с удовольствием сама присмотрю за ее туалетом. Девушки не всегда понимают, что им к лицу.

Генерал. А денег на наряды тратится уйма. За последние полтора года расходы на ее туалеты удвоились по сравнению с прежним. Да что говорить — у бедняжки нет других удовольствий!

Гертруда. Как нет? А жизнь в семье, в такой, как наша? Если бы мне не выпало счастье быть твоей женою, мне хотелось бы быть твоею дочерью! Я никогда не расстанусь с тобою! *(Делает несколько шагов.)* За последние полтора года, говоришь ты? Странно! А ведь правда, за это время она стала носить кружева, драгоценности, особенно следить за своим туалетом.

Генерал. Она достаточно богата, чтобы исполнять свои прихоти.

Гертруда. И к тому же совершеннолетняя! *(В сторону.)* Наряды — это дым! Неужели есть и огонь? *(Уходит.)*

Явление второе

Генерал один.

Генерал. Что за сокровище! Я участвовал в двадцати шести кампаниях, получил одиннадцать ран, похоронил ангела-жену, но Гертруда заменила

ее в моем сердце. Нет, право же, сам бог послал мне мою Гертруду, чтобы хоть немного утешить меня после свержения императора, после его кончины.

Явление третье

Годар и генерал.

Годар (*входит*). Генерал...

Генерал. А, здравствуйте, Годар. Вы, разумеется, к нам на весь день?

Годар. Может быть, даже и на целую неделю, генерал, если только вы отнесетесь благосклонно к просьбе, которую я едва осмеливаюсь высказать.

Генерал. Не смущайтесь! Мне известна ваша просьба. Жена моя за вас. А вы настоящий нормандец! Штурмуете крепость с самой слабой стороны!

Годар. Ваше превосходительство, вы — старый солдат, вы не любите лишних слов и ко всякому делу приступаете так, как прежде шли в атаку...

Генерал. Напрямик и во весь опор.

Годар. Это мне на руку. Ведь я такой застенчивый.

Генерал. Застенчивый? Значит, я перед вами виноват: а я-то считал, что вы отлично знаете себе цену.

Годар. Неужели считали? Так знайте же, генерал, что я женюсь оттого, что не умею ухаживать за женщинами.

Генерал *(в сторону)*. Штафирка! *(Вслух.)* Как! Вы уже давно не младенец, и вдруг... Нет, господин Годар, не видать вам моей дочери.

Годар. О, не беспокойтесь! Вы не так меня поняли. Я мужчина храбрый, даже очень храбрый, но я хочу быть уверен, что не получу отказа.

Генерал. То есть вы храбры, когда неприятель сдается без боя?

Годар. Да нет же, генерал. Вот вы шутите, а я уже смущаюсь.

Генерал. Смелей! Смелей!

Годар. Я ничего не смыслю в женском притворстве. Я не понимаю, ни когда их «нет» означает «да», ни когда их «да» означает «нет», а уж раз я люблю, я хочу, чтобы и меня любили.

Генерал *(в сторону)*. Как же, будут тебя любить при таких-то качествах!

Годар. Многие мужчины, подобно мне, совершенно не выносят всех этих дамских военных хитростей, всяких ужимок и кривляний.

Генерал. Но ведь самое упоительное — это сопротивление. Тут по крайней мере изведаете счастье победы.

Годар. Нет уж, благодарю покорно. Когда мне хочется есть, я с котлетой не кокетничаю! Я во всем

люблю определенность, и хотя я и нормандец, а тонкости не по мне. Часто в свете видишь, как какой-нибудь молодец увивается вокруг дамы и твердит: «Ах, сударыня, какое на вас красивое платье! Ах, у вас бездна вкуса! Ах, только вы умеете так изящно одеваться!» И дальше — больше, лишь бы добиться своего. Удивительные люди, честное слово! Как это пустою болтовней чего-то добиваются — не понимаю. А я топчусь на месте целую вечность, прежде чем решусь признаться хорошенькой женщине в своих чувствах.

Генерал. Эх, не таковы были мужчины во времена Империи!

Годар. Вот оттого-то я и решил стать храбрым! Напустишь на себя храбрость, да еще знаешь, что у тебя в кармане сорок тысяч ренты, вот тебе повсюду успех и обеспечен, вот и действуешь смелее прочих. Поэтому-то вы и подумали, что я такой самонадеянный. Если владеешь хорошими незаложенными лугами в Ожской долине, если имеешь прелестный замок с полной обстановкой, жене моей, значит, остается только захватить с собою приданое, все же остальное — пожалуйста, к ее услугам, даже кашемировые шали и кружева моей покойной матушки... если обладаешь всем этим, генерал, то ты волен быть, кем хочешь. Вот почему я —

господин де Римонвиль.

Генерал. Нет, вы — Годар.

Годар. Годар де Римонвиль.

Генерал. Просто Годар.

Годар. Генерал, это всеми допускается.

Генерал. А я не допускаю, чтобы человек, пусть даже мой зять, отрекался от своего отца; ваш же отец — весьма, впрочем, почтенный человек — сам гонял гурты из Кана в Пуасси и по всей округе был известен как Годар, дядюшка Годар.

Годар. Батюшка был человек недюжинный.

Генерал. Да, в своем роде. Но я вас понимаю... Так как его скот наградил вас сорокатысячной рентой, вы рассчитываете теперь на других скотов, которые наградят вас фамилией де Римонвиль.

Годар. Позвольте, генерал, а ну-ка спросите мадемуазель Полину: она-то ведь человек современный. Мы живем в тысяча восемьсот двадцать девятом году, в царствование Карла Десятого. Она предпочтет, выходя после бала, услышать возглас: «Карету госпожи де Римонвиль!», чем: «Карету госпожи Годар!»

Генерал. Ну что ж, если такие глупости по нраву моей дочери — пожалуйста; ведь смеяться-то будут над вами, — поэтому мне решительно все равно, дорогой мой Годар.

Годар. Де Римонвиль.

Генерал. Годар! Послушайте, вы человек порядочный, вы молоды, богаты, вы говорите, что не будете волочиться за другими женщинами, что моя дочь будет царить в вашем доме... Ну так добейтесь ее согласия, и тем самым вы добьетесь моего. Но имейте в виду, что Полина выйдет замуж только за человека, которого она полюбит, и независимо от того, богат он или беден. Впрочем, есть одно исключение, но оно вас не касается. Я предпочту проводить дочь на кладбище, чем в мэрию, в случае если ее избранник окажется сыном, внуком, братом, племянником, родственником или свойственником одного из четырех-пяти негодяев, которые предали имп... Ибо мой кумир...

Годар. Император! Это всем известно.

Генерал. Прежде всего — бог, затем Франция или император... Для меня это одно и то же. И, наконец, жена моя и дети. Всякий, кто осмелится коснуться моих кумиров, — мне враг! Я убью его, как зайца, без малейших угрызений. Вот мои взгляды на религию, родину, семью. Катехизис мой краток, но хорош. Известно ли вам, почему в тысяча восемьсот шестнадцатом году, после проклятого роспуска Луарской армии², я со своею

² *Луарская армия.* — После разгрома Наполеона при Ватерлоо в 1815 году остатки его армии были отведены за реку Луару и там расформированы.

бедною сироткою удалился сюда? Почему я, гвардейский полковник, раненный при Ватерлоо, здесь, в окрестностях Лувье, открыл суконную фабрику?

Годар. Чтобы не служить *тем*.

Генерал. Чтобы не умереть на эшафоте как убийца!

Годар. О боже!

Генерал. Повстречайся я с одним из этих предателей, я сумел бы рассчитаться с ним по заслугам. Даже теперь, пятнадцать лет спустя, вся кровь закипает в моих жилах, когда мне случается прочесть их имена в газете или услышать их от кого-нибудь. Словом, если бы я очутился с таким молодчиком лицом к лицу, никакая сила не могла бы удержать меня, — я вцепился бы ему в горло, разорвал бы на клочья, задушил бы его...

Годар. И поступили бы вполне правильно! (*В сторону.*) Буду ему поддакивать.

Генерал. Да, сударь, задушил бы! А если зять мой станет мучить мое дорогое дитя, его ждет та же участь.

Годар. Ого!

Генерал. Я отнюдь не хочу, чтобы она командовала мужем. Мужчина должен быть властелином в своем доме, вот как я — у себя.

Годар (*в сторону*). Бедняга! Ну и властелин!

Генерал. Что?

Годар. Я говорю, граф, что ваша угроза меня ничуть не страшит. Если любишь только одну женщину, то любишь ее крепко.

Генерал. Прекрасно, дорогой мой Годар. А что до приданого...

Годар. О!..

Генерал. Что до приданого моей дочери, оно состоит...

Годар. Оно состоит?..

Генерал. Из материнского капитала и из наследства, оставленного ей дядей Бонкером... Оно неприкосновенно; я отказываюсь от своих прав на него. Это составляет триста пятьдесят тысяч франков и проценты за год, ибо Полине уже исполнилось двадцать два года.

Годар. Триста шестьдесят семь тысяч пятьсот франков?

Генерал. Нет.

Годар. Как нет?

Генерал. Больше!

Годар. Больше?

Генерал. Четыреста тысяч.

У Годара вырывается удивленный жест.

Разницу я пополняю... Но зато после моей смерти не ждите ничего... Понятно?

Годар. Нет, не понятно.

Генерал. Я обожаю маленького Наполеона.

Годар. Герцога Рейхштадтского³?

Генерал. Да нет, моего сына. *Они* согласились крестить его лишь под именем Леона; но я начертал здесь (*ударяет себя в грудь*) «Наполеон». Итак, все мои сбережения предназначаются для него и для его матери.

Годар (*в сторону*). Особенно для матери. Она — тонкая бестия!

Генерал. Так что же? Если что вам не подходит, скажите прямо.

Годар (*в сторону*). Не миновать-стать судиться! (*Вслух*). Наоборот, я сам помогу вам, генерал!

Генерал. В добрый час! Вот почему, мой дорогой Годар...

Годар. Де Римонвиль.

Генерал. Годар; Годар — лучше. Так вот почему я, генерал, граф де Граншан, бывший командир гвардейских гренадер, поставляю теперь мундиры для *их* пехтуры.

Годар. Что ж, вполне естественно! Копите деньги, граф, не оставайтесь же вашей вдове без капитала!

Генерал. Она ангел, Годар.

Годар. Де Римонвиль.

³ Герцог Рейхштадтский (1811–1832) — сын Наполеона I.

Генерал. Годар, она ангел, и именно ей вы обязаны воспитанием вашей будущей жены; она создала ее по своему подобию. Полина — жемчужина, сокровище; она никогда не выходила из-под родительского крова, она чиста, невинна, как дитя в колыбели...

Годар. Генерал, позвольте мне признаться вам... Спору нет, мадемуазель Полина прекрасна...

Генерал. Еще бы!

Годар. Она прекрасна, но в Нормандии есть немало прекрасных девушек и к тому же очень богатых, богаче ее. Ах, если бы вы знали, как папаши и мамыши этих невест охотятся за мною! Прямо-таки неприлично! Но меня это только забавляет, — я разъезжаю по замкам, всюду мне почет и уважение...

Генерал. Хлыщ!

Годар. Не ради меня самого, конечно, нет! Я насчет этого не заблуждаюсь. Все это делается ради моих незаложенных лугов, ради моих сбережений и еще потому, что мое правило — не тратить полностью своих доходов. А знаете, почему мне хочется породниться именно с вашей семьей?

Генерал. Нет, не знаю.

Годар. Некоторые богачи обещают выхлопотать указ его величества о даровании мне титула пэра Франции и графа де Римонвиль.

Генерал. Вам?

Годар. Да, да, мне!

Генерал. Разве вы одержали какую-нибудь крупную победу? Спасли родину? Прославили ее? Да это курам на смех.

Годар. Курам на смех... *(В сторону.)* Что я такое говорю? *(Вслух.)* У нас с вами на сей счет разные мнения. Короче говоря, знаете, почему я всем предпочел вашу прелестную Полину?

Генерал. Черт возьми! Да потому, что вы в нее влюблены.

Годар. О, разумеется! Но также и потому, что здесь царят покой, согласие, счастье. Так заманчиво вступить в порядочную семью с чистыми, простыми, патриархальными нравами. Я ведь человек очень наблюдательный.

Генерал. То есть просто любопытный.

Годар. Любопытство, сударь, — мать наблюдательности. Я знаю весь наш департамент и с лица и с изнанки.

Генерал. Ну и что же?

Годар. Во всех семьях, о которых я вам говорил, я обнаружил недостатки. Со стороны видишь приличную внешность, превосходных, безупречных матерей семейств, прелестных девушек, добрых отцов, примерных дядюшек. Хоть веди их к причастию без исповеди, хоть доверь любой капитал... А только копните — даже у судебного следователя волосы на голове дыбом

встанут.

Генерал. Ах, вот каким вам кажется мир? А я свято храню иллюзии, с которыми прожил жизнь. Копаться в чужой совести — дело священников и судейских; я лично недолюбливаю рясы и черные мантии и надеюсь умереть, так их и не увидев! Но, Годар, чувства, на которых основано ваше предпочтение, подкупают меня больше, нежели ваше богатство. По рукам! Вы заслужили мое уважение, а я на этот счет не очень-то щедр.

Годар. Генерал, спасибо. (*В сторону.*) Попался, тестюшка!

Явление четвертое

Те же, Полина и Гертруда.

Генерал (*Полине*). Ах, вот и ты, малютка!

Гертруда. Не правда ли, как мила?

Годар. Графиня...

Гертруда. Ах, извините, сударь; я залюбовалась творением рук своих.

Годар. Мадемуазель просто обворожительна!

Гертруда. К обеду у нас гости, а какая же я мачеха; я так люблю наряжать ее, ведь для меня она родная дочь!

Годар (*в сторону*). Значит, меня ждали.

Гертруда. Я оставлю вас наедине...

Объяснитесь. (*Генералу.*) Друг мой, пойдем на веранду, посмотрим, не едет ли наш милый доктор.

Генерал. Я к вашим услугам, как всегда. (*Полине.*) Прощай, мое сокровище. (*Годару.*) До свиданья!

Гертруда и генерал выходят на веранду, но Гертруда искоса наблюдает за Годаром и Полиной; из комнаты Полины выглядывает Фердинанд, однако по знаку Полины быстро прячется.

Годар (*на авансцене*). Что бы мне ей сказать потоньше, поделикатнее? А, знаю! (*Полине*). Какая сегодня приятная погода, мадемуазель.

Полина. Действительно, очень приятная, сударь.

Годар. Мадемуазель!

Полина. Сударь?

Годар. От вас зависит сделать ее для меня еще приятнее.

Полина. Каким же образом?

Годар. Вы не понимаете? Разве графиня, ваша мачеха, ничего не говорила вам обо мне?

Полина. Как же! Одевая меня, вот только что, она наговорила о вас столько хорошего!

Годар. А вы согласны хоть с крупицей того, что ей угодно было...

Полина. О, со всем согласна, сударь!

Годар (*усаживаясь в кресло, в сторону*). Все идет как по маслу! (*Вслух.*) Неужели она, на мое счастье, выдала меня и сказала, что я влюблен в вас страстно, что я хотел бы видеть вас хозяйкой Римонвильского замка?

Полина. Она лишь намекнула, что вы приехали сюда с намерением, которое должно мне быть бесконечно лестно.

Годар (*становится на колени*). Я люблю вас, мадемуазель, люблю безумно! Что против вас мадемуазель де Блонвиль, мадемуазель де Клервиль, мадемуазель де Вервиль, мадемуазель де Пон-де-Виль, мад...

Полина. О, довольно, сударь! Я просто смущена таким обилием доказательств столь неожиданной для меня любви. Какое множество жертв! Батюшка ваш довольствовался тем, что гонял свои гурты, вы же их всех готовы отправить прямо на бойню.

Годар встает.

Годар (*в сторону*). Ай, ай, она, кажется, надо мной смеется. Погоди же ты у меня!

Полина. Следовало бы по крайней мере немного подождать. И признаюсь вам...

Годар. Вы еще не хотите замуж? Вам хорошо

живется при родителях, и вы не хотите расстаться с батюшкой?

Полина. Вот именно.

Годар. В таких случаях мамыши обычно говорят, что дочки их еще слишком юны; но так как ваш батюшка сказал мне, что вам уже двадцать два года, я и предположил, что вы, вероятно, не прочь обзавестись своим домом.

Полина. Сударь!

Годар. Понимаю: от вашего решения зависит и ваша собственная и моя судьба; согласиен вашего отца и вашей второй матери я заручился; они полагают, что ваше сердце свободно, — так могу ли я надеяться?..

Полина. Сударь, ваше намерение жениться на мне, как бы лестно оно для меня ни было, не дает вам еще права так настойчиво меня расспрашивать.

Годар (*в сторону*). Уж нет ли у меня соперника? (*Вслух.*) Никто, мадемуазель, без боя не отказывается от счастья.

Полина. Вы продолжаете? В таком случае, сударь, я уйду.

Годар. Смилуйтесь, мадемуазель! (*В сторону.*) Вот тебе за насмешки.

Полина. Ах, сударь, вы богаты и столь щедро одарены природой, вы так благовоспитанны, так умны, что легко найдете девушку и богаче и красивее меня.

Годар. Но когда любишь...

Полина. Вот именно, сударь, когда любишь...

Годар (*в сторону*). Она влюблена! Останусь и разузнаю, в кого именно. (*Вслух.*) Мадемуазель, надеюсь, что, щадя мое самолюбие, вы по крайней мере разрешите мне погостить здесь несколько дней?

Полина. Спросите, сударь, моего батюшку. (*Уходит.*)

Гертруда (*входя, Годару*). Ну как?

Годар. Отказала наотрез, жестоко и бесповоротно; уж не занято ли ее сердце?

Гертруда (*Годару*). Занято? Я воспитала эту девочку, мне было бы все известно... К тому же нас никто не посещает. (*В сторону.*) Его слова зарождают во мне подозрение... Они, как кинжал, вонзились в мое сердце. (*Годару.*) Узнайте же у нее...

Годар. Узнать? Да при первом же моем намеке на ревность она прямо-таки взбеленилась.

Гертруда. В таком случае я спрошу ее сама.

Генерал. Вот и доктор. Сейчас мы узнаем всю правду о смерти жены Шампаня.

Явление пятое

Те же и Вернон.

Генерал. Ну как?

Вернон. Все, как я и предсказывал!
(Раскланивается.) Существует непреложное правило: если человек имеет обыкновение бить свою жену, он ни под каким видом не решится ее отравить; это ему может слишком дорого обойтись. В таких случаях свою жертву разумнее щадить...

Генерал *(Годару)*. Он очарователен.

Годар. Очарователен!

Генерал *(представляет Годара доктору)*.
Господин Годар.

Годар. Де Римонвиль.

Вернон *(оглядывает его и сморкается. Потом продолжает)*. Если уж и произойдет убийство, так только по ошибке: потому, что человек в пылу ссоры не рассчитает удара. А наш Шампань простодушно радуется, что овдовел, так сказать, естественным образом. И действительно, жена его умерла от холеры. От азиатской холеры; это заболевание редкое, но все же встречается, и я очень рад, что мне довелось стать свидетелем случая, который мне не приходилось наблюдать со

времен египетского похода ⁴ ... Если бы меня вовремя пригласили, я бы спас больную...

Гертруда. Ах, какое счастье! Меня ужасала мысль, что в нашей местности, где спокойствие не нарушалось целых двенадцать лет, могло произойти убийство.

Генерал. Вот к чему приводят сплетни! Но уверен ли ты, Вернон?

Вернон. Уверен ли я? И это спрашивают бывшего полкового врача, который пользовал двенадцать французских армий, начиная с тысяча семьсот девяносто третьего по тысяча восемьсот пятнадцатый год... который практиковал в Германии, Испании, Италии, России, Польше, Египте... Это спрашивают у врача-космополита!

Генерал (*хлопает его по животу*). Ах ты, шарлатан! Он в этих странах уморил больше народу, чем я.

Годар. Однако какие же ходили слухи?

Гертруда. Будто наш мастер, несчастный Шампань, отравил свою жену.

Вернон. Как на грех, накануне ее смерти между ними произошла потасовка. Они, увы, не следовали благому примеру своих хозяев.

Годар. А казалось бы, подобное счастье

⁴ *Египетский поход* Наполеона относится к 1798–1799 годам.

должно быть заразительным. Но совершенства, которые восхищают нас в графине, столь редкостны!

Гертруда. Какая же заслуга любить превосходного человека и прелестную девушку?

Генерал. Ну, Гертруда, перестань. Нельзя же говорить такие вещи при посторонних.

Вернон (*в сторону*). Именно для посторонних это и говорится, — чтобы поверили.

Генерал (*Вернону*). Что ты там бормочешь?

Вернон. Говорю, что мне шестьдесят семь лет, что я моложе вас и хотел бы быть любимым, как вы... (*в сторону*) дабы увериться, что это действительно любовь.

Генерал. Ну, и завистник! (*Жене.*) Дитя мое, вознаградить тебя может только бог; он, я знаю, дарует мне силу любить тебя.

Вернон. Вы забываете, друг мой, что я врач; ваши слова годятся разве что для романса.

Гертруда. Иные романсы, доктор, очень правдивы.

Генерал. Вернон, если ты не перестанешь дразнить жену, мы с тобою поссоримся: сомнение в нашей взаимной любви для меня горшее оскорбление.

Вернон. Да я вовсе и не сомневаюсь. (*Генералу.*) Но с божьей помощью, вы любили столько женщин, что я как врач не могу не

восторгаться вами — в семьдесят лет и такой добрый христианин.

Гертруда незаметно направляется к дивану, где сидит доктор.

Генерал. Тсс! Друг мой, последняя любовь всегда самая сильная.

Вернон. Вы правы. В юности мы любим со всею силою, — а она постепенно уменьшается; в старости же мы любим со всею слабостью, — а слабость-то все возрастает.

Генерал. Ах ты, язвительный философ!

Гертруда (*Вернону*). Доктор, почему вы, человек безусловно добрый, стараетесь посеять сомнение в сердце Граншана? Вы ведь знаете, как он ревнив; он способен убить при малейшем подозрении. Я настолько уважаю это чувство, что теперь не вижу уже ни с кем, кроме вас, господина мэра и господина кюре. Неужели вы хотите, чтобы я отказалась и от вашего общества, которое нам так мило, так приятно! Ах, вот и Наполеон!

Вернон (*в сторону*). Война объявлена! Она разогнала всех, прогонит и меня.

Годар. Доктор, вы здесь на правах члена семьи; скажите мне, что вы думаете о мадемуазель Полине?

Доктор встает, оглядывает его, сморкается и молча отходит. Звонят к обеду.

Явление шестое

Те же, Наполеон и Феликс.

Наполеон (*вбегает*). Папа, папа! Ведь правда, что ты позволил мне ездить верхом на Коко?

Генерал. Конечно, позволил.

Наполеон (*Феликсу*). Вот видишь!

Гертруда (*утирает лоб сына*). Как он разгорячился.

Генерал. Но с условием, чтобы тебя кто-нибудь сопровождал.

Феликс. Значит, господин Наполеон, я был прав. Наш шалунишка, барин, решил один объездить на пони всю окрестность.

Наполеон. Он за меня боится! А я сам ничего не боюсь.

Феликс уходит. Опять звонят к обеду.

Генерал. Поди-ка, я тебя за это поцелую. Настоящий гвардеец растет!

Вернон (*смотря на Гертруду*). В

отца-гвардейца пошел!

Гертруда (*резко*). Характером он весь в отца, а наружностью похож на меня.

Феликс. Кушать подано.

Гертруда. Однако где же Фердинанд? Он всегда такой точный. Наполеон, сбегай к фабрике, посмотри, не идет ли Фердинанд, и скажи ему, что уже звонили к обеду.

Генерал. Да нам незачем его ждать. Годар, предложите руку Полине.

Вернон предлагает руку Гертруде.

Э, э, Вернон! Тебе бы пора знать, что никто не имеет на это права, кроме меня.

Вернон (*в сторону*). Ей-богу, он неизлечим.

Наполеон. Фердинанд там, в главной аллее... я его видел.

Вернон. Дай же мне руку, тиран!

Наполеон. Держи, тиран. Вот я сейчас тебя потираню, и здорово... (*Вертит Вернона.*)

Явление седьмое

Фердинанд один. Осторожно выходит из комнаты Полины.

Фердинанд. Мальчишка меня спас, но как это

его угораздило увидеть меня в аллее? Еще одна такая неосторожность — и мы погибли. Надо во что бы то ни стало выпутаться из этого положения. К Полине сватаются... Годару она отказала. Генерал, а особенно Гертруда постараются узнать причины отказа. Сейчас выйду на веранду и сделаю вид, будто я пришел по аллее, как сказал Леон. Лишь бы не заметили из столовой... *(Наталкивается на Рамеля.)* Эжен Рамель!

Явление восьмое

Фердинанд и Рамель, потом Феликс.

Рамель. Какими судьбами, Маркандаль...

Фердинанд. Тс!.. Никогда не произноси здесь этого имени. Если генерал узнает, что я — Маркандаль, что это моя фамилия, — он пристрелит меня, как бешеную собаку.

Рамель. Да почему же?

Фердинанд. Потому что я сын генерала Маркандаля.

Рамель. Которому Бурбоны отчасти обязаны тем, что им пришлось совершить вторичное путешествие⁵.

⁵ *Вторичное путешествие* Бурбонов — то есть вторичное их бегство во время «Ста дней» (1815).

Фердинанд. В глазах генерала Граншана покинуть Наполеона и служить Бурбонам — значит изменить Франции. Увы, мой отец подтвердил, сколь правильно это мнение, ибо умер от горя. Итак, помни, меня здесь зовут Фердинанд Шарни, по фамилии моей матери.

Рамель. А что ты тут делаешь?

Фердинанд. Я на фабрике и директор и кассир; словом, как мэтр Жак^б, — на все руки мастак.

Рамель. Да что ты? Что же тебя заставило?..

Фердинанд. Многое. Отец все промотал, даже состояние моей бедной матери; она живет теперь на вдовью пенсию в Бретани.

Рамель. Как! Неужели твой отец, командир королевской гвардии, занимавший такое блестящее положение, умер, ничего тебе не оставив, не оставив даже покровителей?

Фердинанд. Если человек предает своих единомышленников, меняет убеждения, — значит, у него к тому имеются особые основания...

Рамель. Хорошо, хорошо, довольно об этом.

Фердинанд. Мой отец сам был игроком... Вот почему он так снисходительно относился ко всем

^б *Мэтр Жак* — действующее лицо комедии Мольера «Скупой». Жак является одновременно и поваром и кучером.

моим сумасбродствам... Ну, а тебя-то что сюда привело?

Рамель. Две недели тому назад я был назначен прокурором окружного суда в Лувье.

Фердинанд. Мне называли... да, помнится, я сам читал другую фамилию.

Рамель. Де ла Грандьер?

Фердинанд. Вот, вот!

Рамель. Чтобы иметь возможность жениться на мадемуазель де Будвиль, я испросил разрешения присвоить, как и ты, фамилию моей матери. Семейство Будвилей покровительствует мне, и через год я, несомненно, буду назначен товарищем главного прокурора в Руан... А это уже ступень к Парижу...

Фердинанд. А зачем ты явился сюда, в нашу мирную обитель?

Рамель. Наблюдать за следствием по делу об отравлении. Начало удачное!

Входит Феликс.

Феликс. Сударь! Барыня беспокоится.

Фердинанд. Скажи, что я занят.

Феликс уходит.

Дорогой Эжен, в случае, если генерал... А он,

как все старые вояки не у дел, очень любопытен... Так вот, если он спросит, где мы с тобою встретились, — не забудь сказать, что на главной аллее. Это для меня очень важно. Вернемся, однако, к делу. Значит, ты приехал сюда из-за жены нашего старшего мастера, Шампаня? Но ведь он невинен, как младенец.

Рамель. Ты веришь этому? А мы, судейские, за то и получаем жалованье, чтобы не верить. Я вижу, ты все тот же, ничуть не переменялся за годы нашей разлуки, — все такой же благородный, восторженный юноша, словом — поэт. Поэт, который вкладывает поэзию в жизнь, вместо того чтобы выкладывать ее на бумагу... который верит в добро, в красоту. Ну, а царица твоих грез, твоя Гертруда, — что с нею случилось?

Фердинанд. Тс! Нет, не министр юстиции, а само небо послало тебя в Лувье, — ибо я поистине в ужасном положении, и сейчас мне особенно нужен друг. Слушай, Эжен, поди сюда. Я обращаюсь к тебе как к школьному товарищу, как к наперснику юности; надеюсь, для меня ты никогда не будешь прокурором? Из моих признаний ты поймешь, что должен хранить их свято в тайне, как духовник.

Рамель. Уж не уголовное ли что-нибудь?

Фердинанд. Брось! Такое преступление охотно совершил бы любой судья.

Рамель. А не то я отказался бы тебя слушать или же, выслушав...

Фердинанд. Что?

Рамель. Просил бы перевести меня.

Фердинанд. Ты все такой же, мой добрый, мой лучший друг. Так вот, уже три года как я люблю мадемуазель Полину де Граншан, и она...

Рамель. Достаточно! Я уже все понял. В нормандской глуши... вы разыгрываете Ромео и Джульетту...

Фердинанд. С тою лишь разницей, что наследственная рознь, разделявшая этих двух влюбленных, — пустяк по сравнению с той ненавистью, какую питает генерал де Граншан к сыну предателя Маркандаля!

Рамель. Но ведь через три года Полина де Граншан будет независима; она сама богата, мне это известно от Будвилей. Вы уедете в Швейцарию и проживете там, пока не уляжется гнев генерала, а в случае надобности — почтительно вынудите его признать ваш брак⁷.

Фердинанд. Неужели я стал бы искать твоей

⁷ ...почтительно вынудите его признать ваш брак. — Имеется в виду французский закон, по которому совершеннолетним лицам дается право «почтительно потребовать» у своих родителей согласия на брак, то есть фактически не считаться с их запретом.

помощи, если бы можно было надеяться на такую обыкновенную, легкую развязку?

Рамель. А, понимаю! Ты женился на Гертруде, на своем ангеле... который, подобно всем ангелам, превратился в... законную супругу?

Фердинанд. Во сто раз хуже! Гертруда, друг мой, это... госпожа де Граншан.

Рамель. Ого! Как же тебя угораздило попасть в такое осиное гнездо!

Фердинанд. Как вообще попадаешь во всякое осиное гнездо, — в надежде найти там мед.

Рамель. Положение весьма серьезно! В таком случае не скрывай от меня ничего.

Фердинанд. Гертруда де Мейляк, воспитанная в институте Сен-Дени⁸, сначала полюбила меня, несомненно, из тщеславия; она радовалась, что нашла в моем лице богатого жениха, и сделала все возможное, чтобы привязать меня к себе, в надежде выйти за меня замуж.

Рамель. Обычная уловка всех сироток, склонных к интриганству.

Фердинанд. Но каким образом Гертруда в конце концов действительно полюбила меня? Такова уж природа этой страсти... да что я говорю

⁸ *Институт Сен-Дени.* — Институт основан Наполеоном I. Первоначально в этот институт принимались девочки из семей наполеоновской знати и высшего офицерства.

— страсти? Для нее это первая, единственная и всепоглощающая любовь, любовь, которая властвует над всей жизнью и сдает ее. Когда в конце тысяча восемьсот шестнадцатого года Гертруда увидела, что я разорен, а она, как и ты, знала, что я — поэт, люблю роскошь и искусство, легкую и беспечную жизнь, — короче говоря, что я избалованное дитя... когда она узнала, что я разорен, она, ничего мне не сказав, приняла одно из тех возвышенных и постыдных решений, на которые отваживаются женщины под влиянием жгучей страсти, если они к тому же вынуждены таиться. Женщины во имя любви готовы на все, как готовы на все тираны ради сохранения власти; для женщин высшим законом является их любовь...

Рамель. Факты, дорогой мой! Ты выступаешь защитником, а я ведь прокурор.

Фердинанд. Пока я устраивал свою мать в Бретани, Гертруда познакомилась с генералом де Граншаном, который искал воспитательницу для сиротки дочери. Для нее этот старый, израненный в боях ветеран, которому стукнуло в то время пятьдесят восемь лет, был лишь денежным мешком. Вот она и вообразила, что скоро овдовеет, станет богатой, а тогда вернется к своей любви и к своему рабу. Она решила, что замужество ее пройдет как дурной сон, за которым последует радостное пробуждение. А сон этот длится уже двенадцать

лет! Но ты ведь знаешь, как рассуждают женщины!

Рамель. У них свой кодекс законов.

Фердинанд. Гертруда невероятно ревнива. В награду за свою неверность мужу она требует от любовника полной верности, а так как, по ее словам, она страшно мучилась, то ей и захотелось...

Рамель. Иметь тебя под своим кровом, чтобы следить за каждым твоим шагом...

Фердинанд. Ей удалось, дорогой мой, вызвать меня сюда. И я уже четвертый год живу здесь, во флигельке около фабрики. А не уехал я отсюда на второй же день лишь только потому, что сразу же понял, что жить без Полины не могу.

Рамель. Но благодаря этой любви твое положение кажется мне, судейскому чиновнику, уж не таким плохим, как я предполагал.

Фердинанд. Не таким плохим? Да оно просто невыносимо. Ты не знаешь, каково оказаться между трех таких характеров. Полина очень смела, как и все невинные девушки, любящие идеальной любовью; они не способны видеть что-либо дурное в человеке, которого избрали в мужья. Гертруда крайне наблюдательна; нам удастся скрываться лишь потому, что Полина трепещет, как бы не открылось мое настоящее имя. И этот страх дает ей силы притворяться. Но Полина только что отказала Годару.

Рамель. Годару? Знаю! Вид у него

придурковатый, но это самый хитрый, самый пронырливый человек во всем департаменте. Он здесь?

Фердинанд. Обедает.

Рамель. Остерегайся его!

Фердинанд. Хорошо! Если эти две женщины, которые и без того не особенно долюбливают друг друга, узнают, что они соперницы, — дело может кончиться убийством, и, право, трудно сказать, кто из них первая схватит оружие: одна сильна своею непорочной, законной любовью; другая разъярится, увидев, как гибнут плоды долгого притворства, жертв, даже преступлений....

Входит Наполеон.

Рамель. Ты даже меня, прокурора, испугал. Нет, что и говорить, женщины сплошь да рядом обходятся дороже, чем они того стоят.

Наполеон. Дружочек! Папа и мама беспокоятся о тебе, они говорят, что надо отложить все дела, а Вернон что-то говорит о желудке.

Фердинанд. Ах ты, плут, — пришел подслушивать!

Наполеон. Мама шепнула мне на ухо: «Поди-ка, посмотри, чем занят твой дружочек».

Фердинанд. Ступай, бесенок! Беги, я сейчас приду. *(Рамелю.)* Видишь, она пользуется

простодушным ребенком, как шпионом.

Наполеон уходит.

Рамель. Это сын генерала?

Фердинанд. Да.

Рамель. Ему двенадцать лет?

Фердинанд. Да.

Рамель. Больше тебе нечего мне сказать?

Фердинанд. Я и так уже сказал слишком много.

Рамель. Ну так иди обедать. Не говори о моем приезде, ни о том, кто я. Пусть пообедают спокойно. Ступай, друг мой, ступай.

Явление девятое

Рамель один.

Рамель. Бедный малый! Если бы молодые люди изучили дела, которые прошли через мои руки за семь лет моей судебной практики, они убедились бы, что единственный возможный в жизни роман — это брак. С другой стороны, если бы страсть стала разумной, она перестала бы быть страстью, а превратилась бы в добродетель.